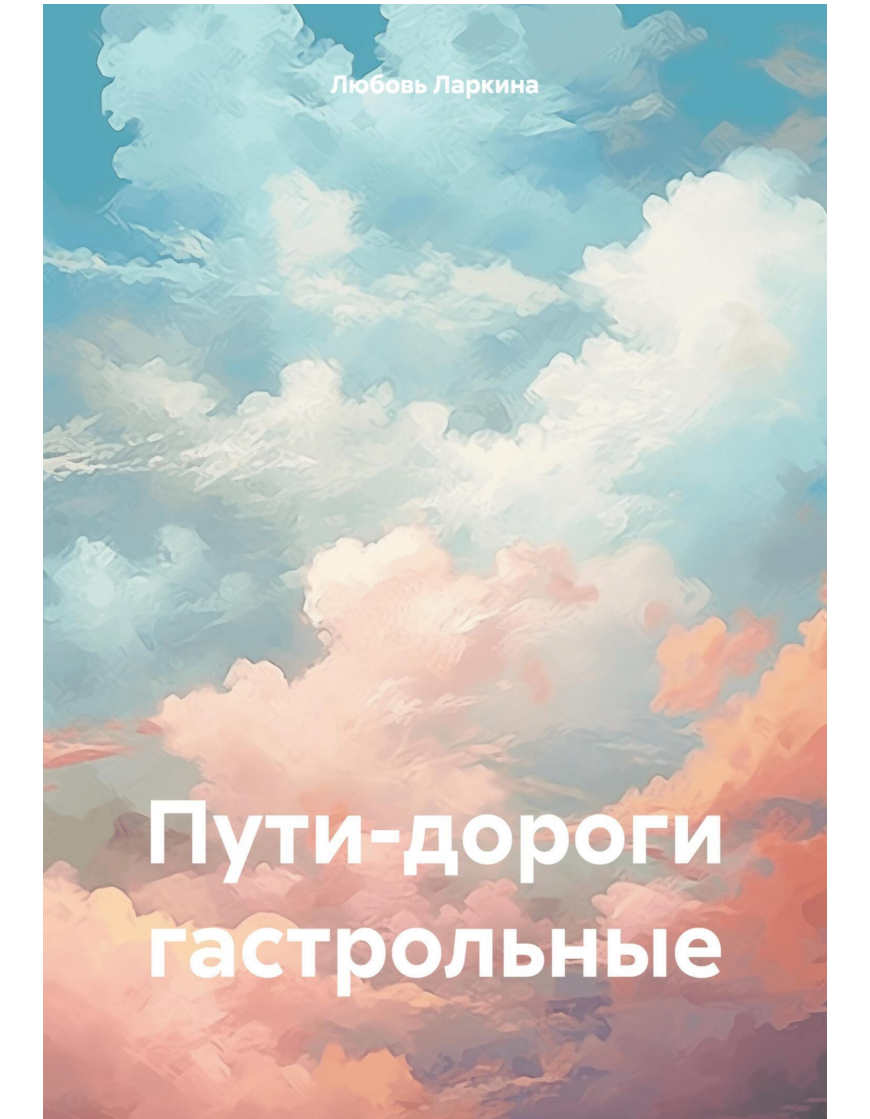

Любовь Ларкина

Пути-дороги гастрольные

Любовь Фёдоровна Ларкина Сергей Михайлович Сосновский Пути-дороги гастрольные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70085626

SelfPub; 2023

Аннотация

Талант, как правило, многогранен. Так и автор этой книжки Любовь Фёдоровна Ларкина убеждает нас в истинности данного утверждения, всю жизнь занимаясь творчеством: поёт, рисует, сочиняет стихи, сказки, прозу, обладает артистическими данными, по праву называя себя вольным ваятелем. Есть известное другое выражение: краткость – сестра таланта. И оно тоже напрямую применимо к автору, представившему здесь читательскому вниманию короткие и нескучные новеллы – как ироничные, так и серьёзные, сюжеты к которым ей подсказала сама жизнь. Более полувека Любовь Фёдоровна жила и трудилась в Туркменистане, отсюда и многообразие восточных красок и образов в её творениях. Немало автору удалось увидеть и испытать на своём веку, колеся по необъятным просторам нашей Отчизны и принося посильную пользу людям как неутомимому творцу, щедро делясь своими наблюдениями, знаниями и житейским опытом.

Содержание

Её имя – Любовь!	7
Однажды утром	19
Первоклассница	23
Соседи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Любовь Ларкина

Пути-дороги гастрольные

Новеллы: и всерьез, и в шутку

Её имя – Любовь!

Доброе утро или вечер, дорогие друзья моего поэтического дневника «ЖИВА ДУШОЙ»! Вы знаете, а я очень счастливый человек: представляете, мне везёт на хороших людей, правда, правда! Опять хочу представить вам, дорогие мои, человека необычайной судьбы, знаковой!

Какое интересное знакомство... Предлагает дружбу человек 77 лет! Ашхабад, Туркмения! Зашла в профиль – Ларкина Любовь... А вот и фотографии... Удивила необычайная пронзительность взгляда, красота, стать облика, свойственная сильным и духовно богатым женщинам. Интересы? Музыка – включая первое попавшееся – «Зимняя фантазия». О, Боже, какой чистый и молодой голос! Сколько в нём экспрессии, слушала и слушала, влюбляясь и наполняясь нежностью слёзной. На душе становилось тепло, проникал в самое сердце голос, как будто мама мне пела...

Пожалуй, напишу этой женщине с чудным именем – Любовь! Расспрошу, чем живёт, как там ей в Ашхабаде?

«Не было у меня розовой колыбельки, престижной школы, Гарвардского университета, МГУ! Не было «Чистых прудов», Эрмитажа, Лувра! Не было «Ясной Поляны», Болдино! Не было кандидатских и академических званий! И многого, многого другого!.. А был стог прошлогодней соломы, землянка в балке, детский дом, злобная училка, выжив-

шая меня из школы только потому, что я могла решать задачки в уме, а записать мне их не на чем было, ШРМ и однокомнатная квартира в гадюшнике.

Но итогом моей непутёвой жизни стали около трёх тысяч стихотворений и поэм да неудачная фантастика, десятки рассказов, несколько сказок. И были бы они более совершенными, если бы моя жизнь сложилась иначе... Но что есть, то есть! Что было, то было – не изменишь, а будущее ещё впереди! Поживём – увидим! Как Бог положит на душу – Ему решать, что делать со мной и моей значимостью.

Мне ещё повезло, что я не попала в гитлеровский концлагерь, как сотни тысяч детей, замученных за колючей проволокой. Я была довольно смуглым ребёнком и с волнистыми волосами, и меня часто допрашивал патруль: не еврейка ли я? Я называлась цыганкой и меня, как ни странно, отпускали. Потом меня стали стричь под нулёвку. И я сама, уже понимая угрозу моей жизни, старалась не попадаться на глаза фрицев.

Была у меня первая подруженька Таня Бурякова. Отступая, немцы, угоняли население в Германию. Её семья не успела спрятаться. Больше мы их не видели... Я благодарна Господу, что он уберёг меня и от политической зависимости, и от каких либо СОЮЗОВ, в которых тоже человек был порабощён и зависим от взглядов и прихотей руководящих чинов.

Я – вольный ваятель и художник по жизни! Кроме поры

моего младенчества, которое выпало на страшные военные дни нашей истории. Когда я поняла, что до меня никому нет дела, я ушла в себя и жила своей удивительной жизнью мечты, песни и поэзии. Были в моей жизни и смех, и слёзы, утраты и приобретения. Известно, что каждому дано по его силам!

Я не уверена, что, имея книгу собственных стихов на мировом уровне, я имела бы столько читателей, сколько имею их сейчас в Интернете, благодаря твоей, Людочка, подсказке. Спасибо тебе, Людмилочка! Дай Бог тебе здоровья, счастья и успехов в твоих делах!»

Да... Судьба... Катком по жизни прошла, а человек светел и такую радость отдаёт людям, не озлобился, не ушёл в себя, болеет душой за свою Родину:

На Руси

Не всегда было: ах!

Иногда было: ох!

И слеза на глазах,

И отчаянья вздох.

Гой, еси – на Руси,

Так, чтоб враг твой оглох!

Чтоб хватило бы сил,

Чтобы БОГ нам помог!

Ангел мой, будь со мной!

На дорогах земных

*И в безумия зной,
И в отчаянья миг!*
03/05 – 2000 г.

Разговор неспешно продолжался, насколько это было возможным с медленным интернетом у Любви в Ашхабаде, с большими перерывами, естественно: «Были в Детском доме, да как же так получилось?»

«Людочка, тогда попасть в Детский дом было несложно: разруха, голод. У мамы была очень сложная и несладкая жизнь... А кормить-то нечем... Вот так я оказалась в Детском доме. Подобрала меня милиция на базаре, где я побиралась...

Родилась 22 мая 1936 года в городе Балта, Тираспольской области Молдавии.

Отец – Федор Алексеевич Ларкин – родом с города Брянска, рабочий, сварщик. Мать –Ирина Тихоновна – по девичеству Иванова, родом из села Красный Яр Кировоградской области Украины.

Отец ушёл на финскую войну, а потом был направлен в Ленинградское военное училище, откуда ушёл младшим сержантом на фронт. Пропал без вести на Западном фронте в 1943 году.

Всё, что я видела, ощущала и слышала в те годы, оставило в моей памяти незабываемый след. Поэтому я к ним без конца возвращаюсь в своих стихах. Но не только память то-

му причина, а еще и 40-летняя работа рабочим корреспондентом, когда я встречалась с героями войны и простыми её тружениками. Их рассказы дополнялись моими переживаниями и моею живою памятью.

Поступила в музыкальное училище в двадцать шесть лет, а окончила его уже в тридцать один год, когда мой старший сын перешёл в шестой класс, а младший – в пятый. Так мы все учились: и мама, и дети.

Первые мои поэтические строчки, написанные ещё в Детском доме, были дополнением к песне: «Ой, при лужке, при луне...»:

*«А на утро всё село,
Всё село узнало,
Что казачка казака
Крепко обнимала».*

Когда спустя десятилетия я услышала эту песню в автобусе с моими словами, я просто расплакалась. Ехали на картошку. Пылища просёлочной дороги, лица все укутанные, и слёз моих никто не заметил. А что бы я тогда сказала моим коллегам?..

Первая публикация стихотворения – в «Асбестовском рабочем» в 1970 году: «Лирическое» – «Ленту голубого ситцу...» Редактором газеты тогда был А. М. Коршунов, а литературным отделом командовал А. И. Чечулин. Ныне, увы,

уже покойные оба, царство небесное им, и земля пухом...
Вот и вся моя краткая история.»

Господи, сколько же легло на плечи этой женщины... Да...
Стойкое поколение!

Раненым

*Мы с девчонкою соседской
(Вспомнить имя не могу)
Шли по улице Советской
И застыли на углу:
В школу раненых вносили —
Всё бинты, бинты в крови
И просили всех прохожих
Подсобить. Мы подошли:
— Дайте нам любое дело:
Дверь открыть, поднять костыль. —
Постепенно осмелели
В жаре коек и простынь —
Покормить солдата с ложки...
Приходилось нелегко,
Коль ни маковки, ни крошки,
Ни росинки... Но зато
Письма нас писать просили,
Чтоб писали веселей!
Чтобы родственникам силы
Поддержать на склоне дней,*

*От хороших, от вестей
Были б чуточку бодрей
И с Победой ожидали
В дом героев – сыновей.
30/11 – 1980 г.*

Поражает трепетность и нежность женская, а какие образы, картины рождает прочтение её стихов!

Сердцем

*Помню я день ослепительно яркий!
Лес, опьянённый июньским теплом,
Сеял пыльцу на цветные поляны,
Где мы гуляли с тобою вдвоём.
Песней дрозды нас с утра развлекали,
Дятел упорно стучал за спиной,
Солнце с ромашкою нас обвенчали,
Небо бездонное над головой.
Листья осины чуть-чуть трепетали,
Переливаясь, сверкая в лучах.
Шли нам навстречу полдневные дали
С нежной пылью на гибких плечах.
Помню я день в моей сказке былинной,
Помню глаза и улыбку твою.
Ветра порывы иль шёпот любимой
В сердце влюблённом ревниво храню.
27/11 – 2013 г.*

Особенно меня восхищают пейзажные стихи-фэнтези:

Фантазия

*Разворачивает к ночи
Войско белое пурга,
Грозно ставнями грохочет
И купается в снегах.
Кувыркаются снежинки.
У высоких у ворот
Тени водят хоровод
По заснеженной тропинке.
Ближе, ближе, всё смелее
Чьи-то призраки снуют.
Во дворе под старой елью
Вина дьявольские пьют.
Чую, что-то тут случится!
Ведь не зря весь этот сброд...
Кто-то в ставенки стучится,
Барабанит! Ну, народ!
Я – к окошку, нет окошка!
Только снег вокруг меня.
Где-то звякнула гармошка.
Ни домов и ни огня...
А пурга совсем сбесилась!
Так и метит мне в глаза.
Я к берёзке прислонилась*

И от страха чуть жива.
Подкатили лихо сани.
Не успела я моргнуть,
Как уже неслась с ветрами
И ни охнуть, ни вздохнуть.
Кто-то с чёрными усами
Что-то в ухо мне шептал,
Кто-то этот был с рогами
И разбойником свистал,
Обещал золотые горы
реки полные вина,
Но напрасны уговоры:
Ночь не вечна, хоть темна.
И не знаю, как смогла я
Страх дрожью остановить —
Знать душа моя святая
И нельзя её сломить!
Присмотрелась: тройка бесов
Да и кучер — чистый чёрт!
Стало даже интересно.
Что ж, лошадки — первый сорт!
И не знаю, как смогла я
Страх дрожью остановить —
Знать душа моя святая
И нельзя её сломить!
Долго мчали мы лесами...

Погоди, рогатый вор!
Хоть и быстро мчатся сани,
Но коротким будет спор.
А пурга всё: сею, вею...
Вдруг вдали пропел петух!
Бег споткнулся. Я смелею,
Перехватываю дух,
Крест кладу... Держись, родная!
Кнут из рук нечистых – хвать!
Помоги мне, Пресвятая,
И давай бесов хлестать
И направо, и на лево
Всею силой вдоль хребта.
На боках бесовских пена,
За верстой бежит верста...
Не сломить нас, как былинку
Крепость хитростью не взять!
Рано правили поминки,
Растакую вашу....
Утомлённо скачет тройка,
Замечает след пурга.
Душу русскую не троньте! –
Обломаете рога!...
Вот вдали рассвет пробился,
Словно через толщу лет...
Огляделась – свет струился...

*Я в избе? – Сомнений нет!...
А в душе всё посвист тонкий,
И в ушах метельный смех...
Ставни настезь шумно, звонко!
Заходи в мой дом, рассвет*

*Ни пурги, ни дикой тройки,
Ни бесовских глаз в пути,
Словно бред после попойки,
Но ведь я не пью! Ни-ни!
Но в ушах всё посвист тонкий
И в душе метельный смех.
Растворила ставни звонко:
Заходи в мой дом рассвет!
Заходи, мой гость желанный!
Снег стряхни, присядь к огню.
Я сейчас согрею чайник,
Свежим чаем угощу.
Притомился, чай, с дороги:
Всё идёшь, идёшь, идёшь
От порога до порога
Так и жизнь всю проживёшь?! –
«Я о том не сожалею,
Но хотел бы точно знать
Там, где тьму я одолею.
Будет солнце ли сиять?!»*

09/07 – 1983 г.

Это только малюсенькая часть её стихов, песен и других творений как в стихах, так и в прозе, и я просто советую вам, дорогие мои друзья, окунуться в волшебство образов, созданных ею. Дай Бог здоровья и счастья, творческого горения дорогому моему, любимому всем сердцем Человеку, стойкой и талантливой Женщине – ЛЮБОВИ ЛАРКИНОЙ!

Людмила АЛЁШИНА-ДУЮН

Однажды утром

Стояло, на удивление, безветренное утро, что на Каспии бывает редко и очень редко! Море окутал плотный, словно молоко, туман. Было сыро и зябко не по-летнему. Но вот из-за Красноводска*, пробив молочную пелену, блеснуло ласковое солнце, чуть подёрнутое лёгкой дымкой, и с первыми его лучами туман медленно стал удаляться в море и постепенно ушёл за горизонт. Перед глазами открылась совершенно гладкая, словно сверкающее зеркало, поверхность небольшой авазовской лагуны.

Прохладный песок, словно вода, сочился под ногами, плотно обнимая ступни, потому идти было немного вязко, но довольно приятно, не то, что днём, когда на раскалённый песок босою ногой не ступишь. Вот в зелени пышной, верблюжьей колючки, поднявшись на задние лапки, принявшись к воздуху, пропищал суслик, ему ответил другой. Потом проворно юркнул в свою норку. По кромке берега проворно сновали чайки и ещё какие-то длинноногие птицы и выхватывали во влажном прибрежном песке всякую живность: мелких рачков и икринки рыб, которые были занесены вечерним прибоем. А высоко в небе над прибрежными барханами уже трепетал жаворонок и звенел, словно серебряный колокольчик. По гладкой, беспредельной поверхности Каспия беспрепятственно скользили нежные солнечные лучи.

Всё было таким праздничным и чуть-чуть сонным.

Я остановилась на краю влажного песка и долго смотрела в море, пытаясь увидеть хоть маленький намёк на тот туман, который ещё совсем недавно обнимал этот золотистый берег. Вскоре мой рассеянный взгляд уловил почти на самом горизонте какое-то движение. Чёрные точки двигались по направлению к берегу: то исчезали, то вновь появлялись, но уже ближе и ближе. Эти таинственные точки очень заинтересовали меня. Вначале я подумала, что это проводят учения аквалангисты. Проголодавшись, я вернулась в дом городка Аваза**, который мы снимали почти у самого берега.

После завтрака я вновь отправилась на берег, чтобы вымыть посуду, как это я всегда делаю. Но едва переступила порог, как мой взгляд уловил те самые точки почти у самого берега, и я замерла от неожиданности: совсем недалеко, слева от камней, где мы ловили креветок, плавали два огромных тюленя. Круг за кругом они приближались к крутолобым камням, которые являлись удачным местом для мальчишек-рыболовов.

Вдруг на мокрые, скользкие камни что-то стало карабкаться, и тут я догадалась, что это был малыш тюленей. Он так долго и усердно карабкался, срываясь и падая в воду, что у меня даже в глазах зарябило, то ли от напряжения, то ли от усиливающихся солнечных бликов. Но вот малыш благополучно забрался на камни и, перевернувшись светлым брюшком к солнышку, замер, слившись с валуном, и лежал так

долго-долго. А его родители продолжали осторожно делать круги вокруг камней, охраняя своё детище.

Кроме меня, на берегу никого ещё не было. Да и я стояла довольно далеко от камней и старалась не делать резких движений. Сколько прошло времени, не знаю, но вот серый комочек зашевелился и, изогнувшись, приподняв головку, на мгновение замер и затем легко соскользнул с валуна прямо в залитую солнцем морскую гладь, отражающую берега, и исчез навсегда с моих глаз. Две черные точки взяли направление в открытое море и вскоре растворились в сверкающих солнечных лучах на морской глади.

Я ещё долго смотрела на бирюзовую поверхность моря. Чайки планировали над поверхностью и время от времени, складывая крылья, падали камнем и тут же взмывали вверх уже с добычей – мелкой рыбёшкой, которая серебром сверкала на солнце. Вода была настолько прозрачной, что был виден каждый камушек, каждая ракушка и стайки резвящихся мальков. Кое-где был виден зелёный шлейф морской водоросли, затаившись у самого песчаного дна. Иногда над поверхностью воды был громкий шлепок – это играла рыбка уже покрупнее.

К обеду море уже волновалось, а к вечеру уже бушевал прибой, размывая прибрежные дюны. Со стороны Красноводска дул горячий пустынный ветер. Белоснежные волны, шелестя, накатывались на раскалённый песок и, шипя, в бессилии отступали обратно в море, согреваясь горячим дыха-

нием ветра, оставляя на песке и гальке бесконечное множество рачков и мальков, которые тут же проворно старались зарыться в мокрый песок.

*Город на западе Туркменистана, входящий в состав Балканского велаята. Расположен на восточном побережье Каспийского моря в 580 км западнее Ашхабада.

**Курорт на востоке Каспийского моря, национальная туристическая зона Туркмении, расположенная в двенадцати км от центра города Туркменбаши.

Первоклассница

Сколько себя помнит Надя, она усиленно готовилась к поступлению в первый класс школы. Она требовала обнову и обязательно белый фартук и портфель для тетрадок и книг. Вначале Надя собирала «израненные» сказки в тоненьких обложках, лечила их, потом рисунки, карандаши и пластилин, затем добавлялись более серьёзные книжки и любимые куклы, которым она наказывала вести себя хорошо и быть послушными.

Наденька с тайной завистью смотрела на первоклассников, чинно проходящих по двору с ранцами за плечами, на их чистую форму, на гордый вид, и её глаза наполнялись слезами умиления... А сколько было слёз в конце августа, особенно в пять и в шесть лет.

Нашёлся для неё старенький отцовский портфель, тетрадки в клеточку и линеечку, которые были разрисованы печатными буквами разных цветов, мордашками знакомых подружек, мамы с папой и ещё других персонажей – то ли героев сказок, то ли из её младенческих снов. Она учила своих немногочисленных кукол читать, писать, рисовать и чётко отвечать на уроках. А от сентября до сентября она старалась расти, чтобы быть сильной и здоровой. Мама пользовалась этим и могла уговорить девочку съесть всё, что угодно, лишь бы скорее пойти в школу.

И вот, наконец, наступил её семилетний День рождения! Новенькая школьная форма висит в платинном шкафу. Рюшечки и манжеты сверкают своей белизной, и белые банты тоже ждут своей долгожданной участи... Сколько же было восторга в первый учебный день! Всё казалось таким прекрасным: и огромный, светлый класс, и миловидная учительница, и одноклассники были такими милыми и весёлыми девочками и мальчиками. Потом пошли обыкновенные школьные будни. Каждый день Надя что-то узнавала новое, что удивляло её и восхищало. Она добросовестно, прилежно выполняла все домашние задания учительницы, на уроках сидела смирно и не вертелась, как некоторые. И однажды...

Надя с Оксаной сидели в левом ряду у самых окон, всегда открытых, в третьем ряду. Свежий осенний воздух вливался в класс и приятно охлаждал детские головки. Стоял солнечный день, Надя старательно выводила палочки в тетрадке в косую линию. Вдруг толчок слева, и палочка искривилась, Надя подняла руку:

– Что тебе, Лебедева?

– Ирина Тихоновна, Оксана толкается!

Учительница ничего не сказала, продолжая что-то читать в журнале. Надя начала новую строчку, и только вывела одну ровную палочку, как Оксана опять её толкнула уже сильнее, так, что перо старательной девочки вообще соскочило с линейки.

– Ирина Тихоновна, Оксана опять толкается!

Но и на этот раз учительница не обратила внимания на жалобу девочки, у которой от обиды и беспомощности уже слёзы текли ручьём... Надя вытерла слёзы и продолжила писать, но недолго она наслаждалась чистописанием, потому что вновь непоседливая соседка её толкнула. И тогда в Наде закипела кровь, и она с силой оттолкнула соседку к окну. Тут раздался такой рёв, что мёртвого можно было бы разбудить. Оказывается, ненавистная Оксана ударилась головой о раму открытого окна. Ирина Тихоновна решительно выхватила Надю из-за парты и поставила её лицом к классу у доски. Тут поднялся такой хохот! Одноклассники строили противные рожицы и показывали несчастной языки. Девочка, не выдержав такого циничного глумления и издевательства над собой, выбежала из класса в коридор и спряталась под лестницей. Её всю колотило, и она уже не знала, что с ней происходит, и тут прозвенел звонок с урока. Детвора высыпала в коридор. Надя дождалась Оксану и врезала ей под дых своим маленьким и твёрдым кулачком. И опять раздался крик на всю школу. Надя бросилась вон из школы, но Ирина Тихоновна побежала ей вдогонку. Надя в ужасе бежала куда глаза глядят, но ноги от страха не слушались, и вот она споткнулась, упала на землю, растянувшись во весь свой маленький рост. Учительница подбежала и несколько раз пнула девочку ногой, которая даже кричать не могла от боли.

К счастью, в этот момент вновь зазвенел звонок на урок: то была маленькая перемена. Надя осталась лежать на земле,

и неизвестно, сколько она пребывала в таком подавленном состоянии, рыдая...

Больше Надя в том году не появлялась в школе. Приходили из исполкома, уговаривали.

– Я к этой учительнице не пойду! – заявила девочка. Но в маленьком посёлке больше школ не было... Так окончилась счастливая сказка маленькой Нади.

К большому несчастью, родителям девочки тоже было всё равно, будет их дочь учиться или нет, они даже не пытались уговаривать дочь или как-то подключить Ирину Тихоновну, чтобы вернуть пострадавшую ученицу в класс.

Соседи

Человек от рождения не бывает один на один: кто-то всегда есть рядом. И не только родственники. Соседи по дому, соседи по купе вагона, в самолёте, соседи в больничной палате, соседи по даче и т. д. Соседи, с которыми так ли иначе нам приходится общаться.

Есть соседи на час, на день, на месяц, на год, а есть соседи, с которыми мы живём бок о бок десятилетиями; а бывает, соседствуем из поколения в поколение. Мы знаем о них всё или почти всё. Общаемся по праздникам, делимся радостью и поддерживаем в трудную минуту. Соседей мы узнаём, как близких людей, по походке, по шагам на лестнице, и со спины, и по голосу. К соседям мы идём за спичками, когда они неожиданно заканчиваются, за солью, за деньгами, если предстоят непредвиденные расходы; соседям мы оставляем ключи от дома, когда днём должен прийти слесарь, просим присмотреть за детьми, если возникает такая необходимость. В недалеком прошлом к соседям мы могли прийти в любое время, если надо было срочно позвонить. В трудную минуту мы ищем у соседей сочувствие и поддержки. И это становится нашей жизнью, нашим понятием о жизни и отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.